

Владимир Гарасев

Пик Гамлета

Владимир Гарасев

Пик Гамлета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48479160

ISBN 9785005066718

Аннотация

Универсальная аннотация к моим книгамЕсли вы начали понимать, что:город-офис-день-сурка – это слишком малосекс-от-скуки – это еще меньшешопинг-клуб-ресторан – это почти ничегоЕсли вы заподозрили, что вне Матрицы что-то естьЕсли и ваша работа, и привычные способы убивать время не вызывают у вас ощущения жизниИ начинает казаться, что вам нужно что-то еще – тогда я предлагаю вам мои книги.Владимир Гарасев

Пик Гамлета

Владимир Гарасев

© Владимир Гарасев, 2019

ISBN 978-5-0050-6671-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Москва, апрель

Телефонный звонок выбросил ее из мира обнимаемой во сне подушки в обширное пространство под высоким, сероватым от неяркого раннеутреннего света потолком.

Она нашарила рядом с надувным матрасом звонящий мобильник и нажала кнопку с зеленой трубкой. Мобильник был дешевый и старый. Смартфоны она не покупала.

Потом поспешно сунула в ухо наушник гарнитуры – не стоит облучать мозги электронным смогом, держа мобильник возле головы.

– Да... слушаю.

– Это Крис...

Она сразу проснулась.

Проснулась, и почувствовала легкий укол беспокойства – отчего он позвонил так рано?

Впрочем, голос Криса звучал совершенно обычно – вежливо, оптимистично... иронично – если только ей это не кажется.

Она вдруг почувствовала, что ненавидит эту иронию. Через нее не пробьешься; человек за ней – всегда не совсем свой. И тут же подумала: постоянно носить защиту – признак слабости; да, она вспомнила – в нем всегда была слабость. И за эту слабость, не позволявшую ей объявить его идеальным, она против воли всегда хотела ему отомстить.

– Рада тебя слышать, – в ее голосе тоже запереливалась легкая ирония всем довольного человека, – только один вопрос для начала: ты в курсе разницы во времени между Лондоном и Москвой?

Секунда паузы – он думает, в чем ошибся?

– А сколько у вас сейчас?

Она не спеша, сладко улыбнулась – так, чтобы ее улыбка была слышна собеседнику:

– Понятия не имею. Но если учесть, что пару недель назад солнце вставало ровно в семь, а сейчас его еще не видеть – вряд ли больше.

– Э-э... а летнее время?

Она снисходительно усмехнулась:

– Дорогой Крис, у нас уже нет летнего времени. Оно оказалось одной из тех забавных игрушек, в которые прикольно играть, но за которые неохота платить... вроде секса по телефону, к примеру...

Крис молчал лишнюю секунду, и за эту секунду наигранная довольная улыбка сменилась на ее лице настоящей – ей удалось его смутить, сделать маленькую пробоину в его ироничной невозмутимости.

Когда-то ей и в голову не пришло бы радоваться победе над ним – даже самой маленькой и необидной...

– Извини. Я хотел успеть, пока ты не уехала на работу, пока ты точно не занята и не за рулем... И я позвонил по делу.

– Это дело можно обсуждать не одетой? То есть – совсем не одетой?

Снова повисло молчание и она беззвучно засмеялась, отодвинув на всякий случай мобильник.

Но Крис снова вынырнул во всем своем великолепии.

– О да. Никаких проблем... Это касается... э-э... твоего любимого погодного сайта. Ты давно его смотрела?

– Несколько дней назад, – улыбка тут же покинула ее лицо – разговор становился интереснее, – работы много. А что там?

– Там написано, что в Альпах скоро похолодает, и пройдет сильный снег. Ему даже придумали собственное имя, как урагану – Последний снегопад.

Она тонко улыбнулась:

– На языке людей, занятых так называемыми экстремальными видами спорта, последним может быть назван только тот снегопад, из-под которого нас откопают, чтобы похоронить. Так что еще не прошедший снег не может быть послед-

ним. Он может быть крайним.

– Что же – тем лучше... – она сразу увидела улыбку, с которой он это сказал: совершенно уверенный в себе человек признает маленькую ошибку, – и я сразу вспомнил, как ты говорила, что из-за долгих оттепелей трассы в Альпах тают раньше времени, и ехать в Европу тебе хочется все меньше и меньше.

Она засмеялась:

– Надо было предлагать а-ффигительный секс! Тогда я приехала бы и без снега!

В голосе Криса явилась наигранная серьезность:

– Дорогая Ксанти... нет, давай так – дорогая мисс Ксения Тихонова! Я слишком ценю и нашу многолетнюю дружбу, и твои разносторонние таланты для того, чтобы обращаться к тебе, как к обычной дамочке, которая перебрала в клубе...

Ксанти вновь перешла на тонко-многозначительный тон:

– Но ведь ты ни разу не пробовал напоить меня в клубе... Или ты боялся узнать, что все пьяные телки – одинаковые?

Он отзеркалил ее тон:

– Дорогая Ксанти, ты не можешь быть одинаковой с кем-либо. Это проверено и доказано фактами. Например: я ни разу в жизни не соблазнял девушку, начав разговор не просто с погоды, а с профессионального погодного сайта.

Ксанти хмыкнула:

– Начинать надо с коктейлей. Потом можно переходить на погодные сайты, на что угодно или вообще ни на что. Кок-

тейли универсальны и исчерпывающи... Ладно – что именно там написано? И когда это будет?

– Точно пересказать не возьмусь. Похоже, речь идет о нескольких днях. И снег будет очень сильный. Очень.

Несколько секунд Ксанти молчала; лицо ее отражало все большую растерянность.

– Я хочу приехать. Но у меня много работы сейчас. И эту работу нельзя отложить. Возможно, мне удастся... удастся ускорить ее, – она задумалась, глядя, как замелькали варианты возможных решений, – да, я постараюсь, конечно. Если все так и будет, такое завершение сезона – это редкий и красивый подарок судьбы. Что-то вроде победы, вырванной из рук поражения... Да, конечно, я постараюсь.

Крис ответил – уже без улыбки, снова точно в тон ее ставшего серьезным голоса:

– Я буду рад. И... надеюсь, ты не на машине?

– Нет. Я не успею на машине. А что? – она улыбнулась, но уже не весело, а как-то сочувственно, только ей самой не ясно было, кому она сочувствует, – ты вспомнил поездку через перевал Стельвио?

Несколько секунд он молчал, потом сказал – все также без улыбки:

– Я бы предпочел, чтобы ты никогда так не ездила. Со мной или без меня, не важно. Так... так нельзя делать.

– Помнишь музыку, которую я тогда включила?

Снова пауза.

– Нет.

– Эмма Шаплин. «Погасшие звезды». Ты не мог понять текст, потому что он на итальянском, но почему-то не спросил, что это и о чем.

Еще немного тишины; потом он сказал:

– Это имело отношение к делу?

Она пожала плечами, точно он мог ее видеть сейчас:

– Тогда – имело. Теперь – уже нет.

– Мне не до музыки было. Я боялся, что мы разобьемся.

– Крис – я когда-нибудь делала глупости?

– Ты? Глупости? Ну... по крайней мере мне не довелось быть их свидетелем...

– Вот именно. Я умею водить... хотя, возможно, это и не очевидно тем, кто предпочитает просто ездить... Я была на Стельвио много раз. И я всегда очень старательно учу то, что буду делать. Я каталась с Сабиной Шмитц по Нюрбургрингу, много каталась, и она хвалила меня... Там, я имею в виду на Стельвио, было семьдесят процентов возможного. Мы не могли разбиться... Крис – я взрослая, умная, уравновешенная девочка, которая все понимает правильно. Все. Понимает. Правильно... Я расчетливая. Я никогда не разобьюсь ни на тачке, ни на байке, ни на лыжах. Со мной безопаснее, чем с телками, которые ужираются в клубах и дают тем, кто проплатил ханку... И я очень внимательна к мелочам. А ты – нет.

Снова пауза... как надоело, как надоела вся эта дурацкая

ситуация!..

– Я... извини. Я не хотел напоминать тебе ничего такого... ставить под сомнение... я хотел тебя увидеть...

Она кивнула:

– Да, да. Я же говорю – я все понимаю. И я постараюсь, очень постараюсь приехать.

– Я могу тебя встретить?

Она отрицательно покрутила головой:

– Не надо. Я буду каждый час экономить. Кто знает, куда и когда я прилечу?

Крис молчал.

Она сказала:

– Я позвоню тебе завтра вечером. Хорошо?

– Да, хорошо, конечно. Я буду ждать.

– Ладно, – она быстро убрала из голоса все лишнее, и улыбнулась, – а теперь, поскольку сегодня мне придется поработать и за сегодня, и за завтра, я принимаю пожелания всех возможных успехов в бизнесе, и начинаю заниматься делами.

Крис тоже улыбнулся – по крайней мере, Ксанти услышала именно улыбку:

– Успехов тебе во всем, Ксанти!

– И тебе.

Она нажала клавишу с красной трубкой.

С минуту она лежала, глядя в сероватый потолок и дума-

ла, что он похож на небо перед восходом солнца. Немного воображения, и видишь, что там – просто слой редящего с высотой воздуха между ночью и утром. Потом придвинула ближе стоящий рядом с надувным матрасом ноутбук, нажала клавишу...

Вместо сайта, что хотела она посмотреть, пальцы ее, словно сами собой, открыли папку с фотографиями, и несколько минут она смотрела на приятное, приветливое, очень породистое лицо молодого человека, не забывавшего улыбаться, когда его фотографируют.

А потом солнце, уже давно подбиравшееся к просвету в лежащих на горизонте облаках добралось до него, и в комнату разом хлынул золотисто-серебряный свет. Он сделал белым сероватый предутренний потолок. Он бросил на светлые доски пола ярчайшие дорожки от окон. Он упал на экран – и разом исчезло в этом свете лицо, сфотканное на чужой мобильник в одной из прошлых жизней, что осталась в четырех тысячах верстах, в нескольких годах отсюда, и в которой ее, Ксанти, давно уже не было, и в которую она не хотела, потому что того, что она искала, там она не нашла.

Она подошла к окну.

За окном, до самого облачного горизонта, лежал в резком золотисто-серебряном свете необъятный город, и чувствовалась в этом городе середина весны, и хотелось выбе-

жать на улицу, чтобы ощущение весны стало вокруг – ее запах, ее холодный еще ветер, ее раннеутренний шум...

Она стояла и смотрела на это, забыв обо всем, улыбаясь смотрящему на нее между облаков солнцу, городу в прямом золотисто-серебряном солнечном свете, чему-то еще...

Она думала: всякую весну ей кажется – жизнь начинается заново. Наверное, так всегда будет. Только сейчас это ее жизнь, а потом будет жизнь ее детей, ее внуков... кого-то еще. Она представляла: прошло много лет, она стоит где-то на краю лыжной трассы, и созерцает резвящийся молодняк – шумный, глупый и надоедливый – жизнь, которая всегда продолжается. И это будет весной. Не фантастическим горно-ледниковым летом, когда стоишь на снегу и видишь, как далеко внизу по зеленым лугам движутся пушистые облачка. И знаешь, что там жара, а здесь жесткий утренний снег стало отпускать только ближе к полудню. словно ты на другой планете, которая подошла совсем близко к Земле... Именно весной – внизу пробивается первая травка, а наверху совершенно зима – но уже другой воздух, и другое все, и другое ощущение в душе. Ощущение того, что жизнь начинается заново...

Хочет она увидеть это сейчас?

Она поспешно вернулась к матрасу, и защелкала клавишами ноутбука.

Вот оно!

Карта Европы и схемы воздушных фронтов.

На самом деле, здесь все понятно с первого взгляда.

С северо-запада к Центральной Европе идет сильный антициклон. Он холодный. С юго-запада примерно туда же идут два циклона – поменьше и следом – побольше. Они теплые и несут много влаги, которую набрали над Атлантикой. Когда теплый влажный воздух соприкоснется с холодным, будет много осадков. На равнине, где тепло, они будут дождем. А в горах, где холодно – снегом.

Ксанти довольно щелкнула пальцами.

Это самое лучшее, что она может сегодня узнать!

Она вскочила с матраса с намерением немедленно взяться за все свои многочисленные дела, но остановилась перед зеркалом.

Через границу миров, за которой все так же и все наоборот, на нее смотрела неяркая шатенка среднего роста, неплохо сложенная, не лишенная привлекательности, но словно решившая не выделяться на светло-песочном фоне стоящих вокруг нее стен.

А впрочем... Она немного отвела плечи назад, немного выдвинула бедра вперед, немного согнула ноги в коленях а руки – так, словно правая приготовлена для удара а левая вынесена вперед для блока. Появились мускулы – причем везде. Довольно компактные; картинка в Зазеркалье не го-

дилась для журналов по бодибилдингу, но все равно явно отличалась от того, что обычно видишь на пляже.

Она сменила стойку на релаксную, повела плечами. Посмотрела, как болтаются руки... Потом снова приготовилась к удару и блоку.

Как при этом меняется все в отражении!

Мой двойник в Зазеркалье – кто ты? Хорошо ли я тебя знаю?..

Потом радостно заметалась по огромному пустому пространству неразгороженной «монолитной» квартиры. Под ногам валялись вещи. В западное окно стреляли солнечные вспышки от миллиона смотрящих на солнце окон. На полу, потолке, светло-песочных, не закрытых мебелью стенах радостно смеялись полосы света...

Джинсы, майка, свитер. Комбинезон... нет, обойдемся. Уже поздно для комбинезона. Все уже едет медленно, уже куча мест, где остались одни междурядья! Защита. Куртка. Рюкзак... да, ноутбук в него, куда она на фиг поехала без ноутбука? Шлем. Документы... в комбинезоне, конечно! В куртку их, и не забыть потом, куда дела! Права в куртке – с минувшей ночи.

Лифт, минус первый этаж, гараж.

«Вольво Икс Си 90», прижавшийся к задней стенке. «Триумф Бонневилль тэ 100» перед ним – а вот этот старый лондонский знакомый остался с ней – и, кажется, навсегда. Сколько он катал ее по пустынным двухрядным дорожкам

британского захолустья, как приятно, как классно, как медитативно-спокойно было не спеша поворачивать под допотопный перестук его двигателя по их бесконечным изгибам!..

Светофоры, междурядья, пешеходы посматривают, проходя перед ней по своей «зебре».

Длинные вереницы машин перед светофорами, длинные вереницы красных тормознутых огоньков.

И это еще рано – через час будет хуже!

Стандартная четырнадцатизэтажка на тихой улице – и если прислушаться, слышно, как равномерно шумит за близкими домами проснувшаяся МКАД.

Ксанти вытащила из кармана мобильник, и набрала номер.

Сонный голос был хорошо слышен в тихом дворе:

– Ты чего так рано?

Ксанти изобразила интригующий тон:

– Ты один?

– Ну да...

– А хочешь, чтобы это стало не так?..

Несколько секунд обладатель сонного голоса просыпался.

Но похоже, ее слова – а может, ее тон, а может, приятные воспоминания – пробудили его быстро и полностью:

– Что-то случилось?

– Еще нет. Но ожидается. Через пару дней. Последний снегопад.

Она уже беззвучно смеялась мимо мобильника.

– Ксанти... в чем дело?

– Через минуту узнаешь. Я у твоего подъезда.

Секунду ничего в телефоне не слышалось, и она нажала клавишу с красной трубкой.

Хозяин квартиры уже стоял в раскрытой двери.

– Судя по твоему настроению, произошло что-то хорошее, – он посторонился.

Ксанти вошла, протянула ему шлем, весело хлопнула дверью; она все улыбалась:

– Ты прикинь – через два или три дня в Альпах ожидается о-о-очень большой снегопад! Просто о-очень! Я сейчас проверяла по сайту... ну, которым обычно пользуюсь, потому что там не только прогнозы фиг знает откуда, но и космические снимки, и можно следить за циклонами...

Хозяин квартиры положил шлем на полку для шапок и получил рюкзак. Едва он повесил его на вешалку, Ксанти повернулась к нему спиной и красноречиво повела плечами. Он снял с нее куртку, пристроил рядом с рюкзаком.

Она повернулась к нему лицом, улыбаясь, оказавшись совсем вплотную.

– А я понял, чего ты так рано, – сказал он, – и к чему все эти намеки.

Ксанти засмеялась, глядя ему в глаза:

– Для единственного известного мне человека, который одинаково хорошо разбирается в механике, электрике и бор-

товых компьютерах, не должно быть сложно разобраться в невербальной женской лести...

Он начал краснеть, но это было почти незаметно в полутемной прихожей. Зато его довольная улыбка не нуждалась в сильном освещении.

Она сказала – уже совершенно другим, серьезным голосом:

– Сегодня утром я получила очередное напоминание об одной очевидной вещи. Что время идет, и хорошо бы впихнуть в него максимум и приятного, и полезного. А для этого надо спешить. Мне, например, надо отдавать отцу деньги за два бизнеса и не самую дешевую квартиру. И при этом успевать сгонять в Альпы, если именно сейчас там особенно хорошо. Снегопады за деньги не продаются, упустил – не вернешь... И так во всем.

Сбросила кроссовки, стащила защиту и прошла мимо него на кухню.

– Ты завтракал?

– Пока ты поднималась на лифте? Нет.

– Я тебя разбудила?

Он нарисовался в дверях кухни:

– А как ты думаешь?

– Я хотела дать тебе подольше поспать, пока еду, – она оглянулась на него, – так что сделать на завтрак?

Он пожал плечами:

– Выбор близок к обычному. Растворимая каша, макарон-

ны и «доширак». И сосиски.

– Гм... Сосиски и «доширак»?

Он кивнул:

– Пойдет. Тогда уж и кофе нормальный сварю.

– Сварю.

Несколько секунд он смотрел на нее с разгорающейся улыбкой, но потом против воли начал зевать.

Ксанти снова засмеялась:

– Иди в душ – скорее проснешься!

– Лето пришло, – сказал он, когда они с Ксанти провожали взглядами тачку, всплывающую на подъемнике к потолку.

– Лето?

– Ну да. Первый в этом году «девятьсот одиннадцатый». Ты часто видишь «девятьсот одиннадцатые» «Порши» в Москве зимой?

Ксанти усмехнулась:

– А, вот оно что...

– Сколько я понял, мы готовим его к продаже.

Ксанти кивнула с демонстративным энтузиазмом:

– Да. К вечеру надо согласовать, во что это обойдется его нынешнему владельцу. Скажем, часам к шести мы должны это знать... Вечером я этот вопрос с ним решу, и у нас будет бюджет. Завтра я закупаю все, что нужно, и привожу тебе. Если чего не найду – посмотрю в Германии, привезу... так что поездка кстати, как видишь... Сейчас ты смотришь низ,

я болтаю на не относящиеся к делу темы. Потом ставишь его на пол, и я начинаю наводить лоск, а ты – все остальное, что можно делать не с низу. А завтра вечером я сваливаю.

– Ты ведь проехала на нем ночью?

– Ну да... Бывают «Порши» и в лучшем состоянии. Все надо смотреть, все настройки. Подвеску пока не трогаем, там более-менее. О подвеске я буду говорить с новым владельцем... предложим что-нибудь, если он не окажется из тех скучных людей, которые ездят на «Поршах» в стандартной комплектации...

Ксанти залезла в маленькую кабинку в углу мастерской, и уселась за едва поместившийся там конторский стол. Через прозрачные пластиковые стены кабинки можно было видеть, как в ярком свете направленных туда и сюда светильников компаньон начинает осматривать «Порш». Автомобиль под потолком казался каким-то необычным летательным аппаратом; редкая для такого заведения неавтосервисная чистота усиливала впечатление. Клиентам нравилось это помещение. Наверное, им казалось, что здесь происходит что-то особенное, чего не бывает в других мастерских. Слово «сервис» Ксанти не любила. «Сервисов» много. Мест, где вам по делу оттюнингуют и полностью настроят «Порш» – заметно меньше...

Она вытащила из рюкзака ноутбук и минут десять изучала файлы, речь в которых шла о трусах, лифчиках, колготках,

чулках и носках.

Потом достала старый мобильник, и набрала номер; она помнила его наизусть.

– Добрый день. Ксения Тихонова... У вас есть несколько минут?

Мужик на другом конце линии усмехнулся – негромко, но и не скрываясь:

– А то как же! – он снова усмехнулся; я знаю, что будет сейчас, говорила его усмешка; еще она содержала поощрение и одобрение, – у тебя заказ готов, что ли? Ходовое кончается, а на новый контейнер денег не набрала?

Ксанти засмеялась:

– Как вы ухитряетесь раз за разом это угадывать?

– По третьей колонке?

Она снова засмеялась:

– Алексей Алексеевич, я девушка небогатая! Я все на свете хочу купить по третьей колонке!

– Много у тебя?

– На двести сорок семь тысяч. Заказ лежит на почте у менеджера уже две или три минуты. Так что после моего звонка он вам позвонит согласовывать скидку.

– Когда оплатишь?

– Как счет получу, – она усмехнулась, – а за что я выпрашиваю у вас скидку больше общей? Мне отсрочки не нужны. На то, что мне надо, у меня всегда деньги есть.

Мужик усмехнулся:

– Редкое качество для бизне-вумен... Кстати... Ты людей набираешь? Ну, не сейчас, а вообще?

– Последний раз это было довольно давно. А что?

– Если есть нормальные, но тебе почему-то не подошли – можешь мне резюме сбрасывать?

– Конечно. Кого ищите?

– Всех я ищу... Но это так, несбыточные мечты... В первую очередь менеджеров, разумеется. Желательно – переребечиков с новыми клиентами. То есть со своими старыми. Или молодых придурков, которых можно уговорить новых клиентов искать.

– Алексей Алексеевич – я от своих менеджеров новых клиентов уже полгода не видела. И не надеюсь. И занимаюсь в основном не менеджерами, а бизнес-процессами. Хороших менеджеров не бывает. Бывают хорошие конвейеры, за которыми не поспишь. Если работа простая, работает технология – человек ее только обслуживает... А новые клиенты будут, когда нефть будет по сто.

– Да это ясно... Я новых требую потому, что иначе все вообще обнаглеют. А если требовать невозможного – чувствуют себя виноватыми и хоть немного работают... Я не про новых клиентов. Я про то, что работать не с кем. Кто давно в бизнесе – мухлюют, научились. Берешь молодых – они вообще ничего не хотят, их мама-папа кормят. Уроды, блин! Говоришь – нефть по сто... Кто вырос при «нефть по сто», от того толку нет. Потерянное поколение... Кто инженерил

в девяностые, а в зарплату получал меньше, чем билетик на метро, чтобы до той зарплаты доехать – тот работает. Но они или при своих делах, или воровать научились. Нефть по сто не всем на пользу пошла. Теперь, глядишь, поумнеют! – он хмыкнул не без злорадства, – потерянное поколение, да...

– Я тоже росла при нефть-по-сто. А ведь работаю. И не только работаю. Еще и кручусь!

Собеседник снова хмыкнул, теперь уже одобрительно:

– Ну, ты у нас девочка уникальная. В интересные игрушки играешь... Кстати – сезон-то открыла?

– Байкерский?

– Да.

– Открыла. Недели две уже как.

– Слушай... ты это... ну, нормально ездешь? Только честно, без понтов?

– Я, Алексей Алексеевич, ездить училась. Реально, не за бумажку. Без понтов. И на треке, и на дороге... Нормально.

– А технику знаешь?

– Семь байков сменила. Все были разные. А что?

– Старший опять стал долбать. Сезон, типа, настал и все такое. Короче, требует купить. Я его в прошлом году послал, но в этом обещал...

– Рост и вес.

– Ну... сто восемьдесят, наверное, пять. А весу под девят-

носто... отожрался...

– А с головой как? Я в смысле – гонять сразу не будет?

– А хрен его знает. Когда просит – он умный, примерный. А когда уже купишь – я чего, прослежу за ним? Да они все гоняют...

– Купите чоппер кубиков на четыреста. Чтобы выглядел круто, а ехал потише... в смысле скорости. Звук можно настроить погромче. Чтобы компенсировать скорость.

Собеседник засмеялся:

– Чтобы компенсировать... Чоппер – это как «Харлей»?

– Ну да. Начинают обычно не с этого. Но на том, с чего начинают, чувак с таким ростом-весом будет, как на мопеде. Не смотрится. А самоуважение молодежи надо беречь.

– Ты сама-то на чем ездешь?

– На британском классическом антиквариате. Помните, какие «Ижи» были?

– Помню. На старье, что ли?

– Они и сейчас выпускаются. И как ни странно, даже лучше стали, чем раньше.

Собеседник усмехнулся с наигранным снисхождением:

– Я думал, ты крутая...

– Я была крутая. Лет несколько назад. Ездила на «Эр-один».

– А что это?

– Последний мотоцикл придурка. Придурки его не переживают.

Собеседник сделал короткую паузу.

Потом усмехнулся:

– То есть, ты оказалась умной...

– Да – я его продала.

Собеседник засмеялся:

– А чего так?

Ксанти убрала из голоса блуждающую улыбку:

– Я испугалась. Когда привыкаешь к тому, что «двести» – это не быстро, пора немедленно прекращать. Это значит, что какая-то фигня в голове научилась обманывать инстинкт самосохранения. Для меня это слишком сильный наркотик. Как будто в другой мир уходишь... тут слова подобрать сложно... Но так делать нельзя. Когда так едешь – не можешь все контролировать. Поэтому и продала, и ничего такого больше не покупала. И не буду.

Она замолчала; собеседник тоже молчал – секунду, вторую – и она сказала:

– А насчет менеджеров – не беру я ни старых, ни молодых. Только тех, кто до этого не работал в торговле. Интеллигентных дам в возрасте за сорок. У меня почти все такие. Когда я купила «Длинный чулок», то очень скоро разогнала всех «эффективных менеджеров», и нашла неэффективных. Они лучше работают.

– «Длинный чулок»?

Ксанти улыбнулась:

– Название моей компании в узком семейном кругу.

Собеседник пару секунд молчал, потом сказал:

– Слушай... я все хотел спросить... Ты ведь у Саврасовых фирму купила? Когда они развелись и разделились?

– У Андрея Семеныча. Его половину. Он в деревню уехал. Дом получил по наследству и землю. Говорил: если с вашей Москвы не уеду – сопьюсь.

– Это понять можно... А куда Саврасиха делась? Она, вроде, сейчас не работает.

– Я ее закрыла. Менеджеров нормальных переманила, клиентам хорошим поставляла со скидкой... стали мои. То, что у нее осталось, себя не окупало. Вот она и закрылась.

– Это деньги надо иметь – хорошим клиентам со скидками поставлять.

– Я у отца взяла. Наполеон говорил: Бог всегда на стороне большой армии. Отец дал под низкий процент. Банки так не дают.

– У отца – в долг под проценты?

– Отец не ворует. У него тоже бизнесы. Лишних денег нет, чтобы мне дать, брал из нелишних. И потом – они же все наши семейные, деньги-то – что его, что мои. Лаве должно давать доход. Брать просто так – себя обманывать.

– Позавидовать можно отцу твоему. «Деньги семейные»... Мои умеют только клянчить да тратить... Ладно, черт с ними... – помолчал, усмехнулся, – это такому в английских университетах учат?

– Жизнь этому учит. Желание жить этому учит.

Он снова усмехнулся:

– Верно... Ты умная девочка. Знаешь, что нельзя брать, не отдавать и быть зависимой.

– Иногда хочется быть зависимой. Только не от кого.

– Избалованная ты.

Она засмеялась:

– Почему?

– Потому, что все остальное у тебя, видно, есть. И еще потому, что ни от кого ты на самом деле не зависишь. Делаешь, что хочешь. Говоришь, что думаешь. Если баба зависит, она правду не говорит. Отец, наверное, нянчился с тобой, ни в чем не отказывал.

– Это да. Я всегда папина дочка была. А сестра старшая – мамина... А про зависимость... Мама в жизни своей дня не работала. Замуж вышла студенткой. Все деньги – отцовские. И семья ее – простые советские интеллигенты. А счастливее ее я женщины не видала. Это, знаете, чувствуется. Она не думает, что от кого-то зависит. Она живет так, как для нее естественно.

– Для этого своего мужика любить надо, чтобы естественно было. А это не всем дано. Ни за деньги, ни без денег. Это талант довольно редкий.

Он замолчал, точно задумался о чем.

Потом сказал:

– Ладно... Интересно поговорить с тобой, но как-то стремно немного. Слишком ты умная и откровенная. Не верится,

что все так просто... Кажется, типа сидишь сейчас за столом, вокруг книжки английские умные, и разговор на диктофон записываешь. А потом прокручиваешь и по книжкам анализируешь.

Она засмеялась:

– Конечно, анализирую! Только без книжек и диктофона. Это уже на подсознательном уровне... Отец со мной не только нянчился. Еще и учил кое-чему. В университетах такому не учат.

– Это видно... Ладно, давай – а то менеджер твой, наверное, до меня дозвониться не может.

Явились короткие гудки.

Ксанти нажала кнопку с трубочкой, положила мобильник на стол и сладко потянулась, глядя на «Порш».

Потом поняла, что начинает засыпать. Стоит перестать сутеться...

Она взяла телефон, поставила будильник, написала красным фломастером на листе бумаги: Отдых 15 минут, повесила на кусочке скотча на прозрачную дверь и положила локти на стол, а голову – на локоть.

Через несколько секунд она спала.

Ей приснился перевал Стельвио.

Только не летом, когда она была там с Крисом, а в середине весны. Машина та же – «БМВ М3», который она бе-

рет иногда у компаньона по автобизнесу, покататься. Вместо Криса рядом сидит другой человек. И вот с этим человеком они спускаются по серпантину в ущелье – не совсем настоящее, немного утрированное, поуже и повыше, но очень похожее.

Конечно, на серпантине она не спешит. Это место совсем не для гонок, там долгая пустота за ограждениями и она видит эту пустоту вместе с дорогой, как может быть только во сне.

День пасмурный – облака сверху, вокруг и внизу. Мокрый серый камень. Мокрый весенний ветер за открытым окном...

И в какой-то момент получается, что она и этот человек рядом с ней падают в поднимающиеся снизу облака. Это падение и опасно, и увлекательно; оно подхватывает, как порыв мокрого весеннего ветра...

И вдруг почувствовала – вокруг весна, и жизнь начинается заново.

И тогда страшно, непреодолимо, как ничего никогда не хотелось до этого, захотелось туда – не обязательно в эти поднимающиеся навстречу облака, но в весну, во влажный весенний ветер, в запах талого снега, в какую-то неизвестную, новую жизнь – и от этого желания она проснулась за несколько секунд до того, как услышала звук будильника.

Франкфурт, апрель

Игорь Иванов, известный на некоторых форумах как KongoFreeck или попросту Конго, тридцати трех лет, начальник отдела продаж некоей московской торговой конторы, сунул в карман телефон и плюнул на чистый франкфуртский асфальт.

Причиной столь неблагоприятного поступка послужил стресс.

Стресс вызвали два только что состоявшихся разговора – с гелфрендшей и с мамой.

Конго приехал во Франкфурт на выставку – компания, где он работал, продавала оборудование, которому эта выставка и была посвящена. Компания оплатила билеты и проживание во Франкфурте во время выставки. Кроме того, Конго отпросился в отпуск, который начинался сразу после выставки, и который он хотел провести, катаясь на арендованной тачке по Италии. Таким образом, он сэкономил на билетах. Правда, в Италии Конго оказывался не летом, а в середине весны. Но было одно обстоятельство, которое перевешивало отсутствие лета – он мог поехать в отпуск один.

Он проводил отпуск в Европе уже лет десять – с тех пор, как стал достаточно зарабатывать. Предпочтение отдавалось Италии. Обычно Конго добирался до какого-нибудь большого города, брал на прокат машину и катался по самым разным местам, забронировав два или три отеля. Пляжи, ресто-

раны и организованные экскурсии представлялись ему вещами совершенно необъяснимыми. Он любил смотреть на то, что выбирал сам. И иногда обычная деревня оказывалась интереснее, чем какая-то распиаренная достопримечательность. Разве не интересно узнать, как живут другие люди?.. Но два года назад он познакомился со своей теперешней гелфрендшей, и стал ездить в отпуска с ней.

С этого момента все изменилось – плавно, но решительно.

Поначалу гелфрендша делала вид, что ей интересны автомобильные покатушки и элемент новизны. Потом она стала говорить, что утомлена работой и отдыхать таким образом ей тяжело. Она работала маркетологом, сочиняла тексты для буклетов и контролировала процесс изготовления таких в типографии – возможно, это действительно утомляло. Но в итоге утомляться стал Конго. Потому что теперь он получал именно то, чего всегда избегал – пляжи, рестораны, организованные экскурсии и – чем дальше, тем больше – шоппинг. Милан ведь в Италии, так?..

Гелфрендша являла собой эталон примерной невесты – милая, симпатичная, в меру начитанная, из вполне интеллигентной семьи и к тому же не лишенная такта. Уступить ей казалось самым естественным делом. Возможно поэтому чем дальше, тем больше жизнь Конго складывалась в соответствии с ее пожеланиями.

Кроме того, она понравилась его маме – даме интеллигентной и пребывающей в разводе, у которой Конго и прожи-

вал. Проживание это сводилось почти исключительно к ночевкам – если только он не ночевал у гелфрендши, когда ее родня удалялась на дачу. Остальное время занимали работа, спортзал, гелфрендша и одинокие автопокатушки куда глаза глядят, когда все вышеуказанное начинало вызывать желание отодвинуться от него ненадолго.

Одно время Конго хотел снять квартиру и поселиться с гелфрендшей, вдали от мамы. Но этого он не сделал, и вот почему.

Когда Конго осознал, что дело идет к браку, постоянное беспокойство поселилось в его душе.

Отчего?

Оттого, что в его невесте было две стороны: она казалась почти идеальной, но при этом вызвала все более явственное ощущение потерянной жизни. Перед глазами его пребывал пример родителей: почти идеальная маман и отец, который отчего-то сбежал от нее в дрянную однокомнатную квартирку в ближнем Подмосковье. Сколько помнил Конго, во времена своего брака отец никогда ничего не решал. Но однажды, заявившись проведать отца, он застал в его квартирке леди лет двадцати пяти. Отец задержался на работе, Конго уселся его ожидать, и леди рассказала ему, какой интересный человек его папа, как много знает, как умеет помочь – в отличие от большинства юных бакланов – и что лучше слушать его и поступать, как он скажет. Конго никогда никому не рассказывал об этом случае, но выводы, разу-

меется, сделал.

Он отдавал себе отчет в том, что, общаясь со своей почти-невестой, он должен иногда настаивать на своем. Но это не получалось. И опыт руководства менеджерами ему не помогал. Он не мог противостоять манере, в которой его гелфрендша вела с ним дела. Она относилась с пониманием к каждому его слову. Но каждый раз, когда дело доходило до дела, оказывалось, что сделать лучше так, как хочет она. Все это сопровождалось совершенно очевидными причинами; он просто не мог не уступить ей. Уступки щедро вознаграждались вниманием и сексом, и оказывалось, что все очень даже неплохо – но совсем не так, как хотел он.

Гелфрендша хотела и добивалась совершенно обычных вещей, с какими принято соглашаться у серьезных мужиков, готовых к семейным обязанностям. Но Конго не хотел соглашаться. Во-первых потому, что не хотел отказаться от свободной каталки куда глаза глядят ради торговых центров и аутлетов – и в прямом, и в переносном смысле. А во-вторых он все больше чувствовал, что для своей гелфрендши он – не романтическое увлечение, а ценный, важный, нужный и так далее предмет ее будущей семейной жизни.

Причем именно ее, а не их общей.

Наблюдая за ней, он заподозрил: у некоторых женщин не бывает близких людей – есть только вещи в собственности. Об этих вещах заботятся, но ничего, кроме собственных чувств, к ним не испытывают.

Размышляя об этом, Конго предположил, что люди обладают разными способностями чувствовать. И почувствовать счастье от существования в мире другого человека некоторым просто не дано. Они могут чувствовать что-то хорошее только от обладания и использования. Ничего плохого в этом нет, если отношения строят два таких человека и честно договариваются между собой – кто, кем и как пользуется. Делают же так в бизнесе! Но строить свою личную жизнь по принципам бизнеса Конго не хотел.

Впрочем, придаться было не к чему – он сам соглашался со своей гелфрендшей в каждом конкретном случае. Маленькими шагами, каждый из которых поощрялся специальными поощрениями. Иногда в виде такого поощрения он даже получал возможность делать то, что реально хотел.

Конечно, гелфрендша была не в восторге от того, что он потратит неделю отпуска без нее. Но Конго учился быстро. И он подготовил этот маневр вполне в ее духе. Шаг за шагом она признавала правоту предлагаемых им предпосылок, а потом во всей своей красе ей предстало и следствие. И, как девушка умная и рассудительная, готовая к серьезной семейной жизни, она не смогла не согласиться.

Однако он не надеялся, что полная победа будет за ним, и предчувствия его не обманули.

Гелфрендша звонила ему каждый день, с самого начала командировки. Она говорила вежливо и приветливо, но всякий раз сообщала о каких-то проблемах и неприятностях,

которые он должен будет разругать по приезду и о которых пока должен серьезно подумать. Подумать о проблемах и неприятностях, а не об отдыхе... На будущее: сбежать от нее он, конечно, иногда сможет. Но вот воспользоваться этим временем с удовольствием – никогда.

Это было настолько прозрачно, настолько – если забыть лживый вежливый тон – нагло и нелояльно, настолько неприятно контрастировало с тем, как приветливо и серьезно воспринимали его люди на выставке – многих он очно или заочно знал – что в конце концов он разозлился.

Да, он не креативит лозунги о продаже томатной пасты! Но он руководит отделом, и это тоже не сводится к посиделкам в «одноклассниках». И редко уезжает из офиса в шесть. И обычно помалкивает об этом. И вообще...

Гелфрендша сказала, что он груб и что это не оправдание – все работают. И отключилась.

Вслед за ней позвонила маман и стала отчитывать его уже безо всяких тонких приемов, на правах родственницы, которая родственница и так, без его на то согласия, и это не изменить и с этим придется мириться. Мало того, что он отдыхает в одиночестве – если, конечно, это действительно так – он еще и не может разговаривать, не грубя!

Но Конго не даром руководил именно продажами. Он кое-что читал о коммуникациях, и знал, что ему делать. В начале разговора он предупредил, что слышимость здесь плохая, и связь иногда пропадает. В критических местах разговора

он просил повторить, потому что собеседница исчезает. Этот прием и снижал пафос маминых слов, и готовил ее к близкой развязке. Наконец, начав длинную оправдательную речь, Конго отключился. Он читал, что большинство людей не могут поверить, что собеседник прервал сам себя, ибо слишком большое значение придают собственным словам.

После этого Конго телефон выключил.

У него был еще один аппарат – корпоративный, с другой карточкой. Данное обстоятельство он держал в полном секрете ото всех своих родственников и личных знакомых. Этот аппарат он не отключал никогда.

После разговора с маман Конго долго стоял посреди тротуара, не замечая ничего вокруг и чувствовал, как в нем поднимается всезаполняющая злоба. Злоба на себя – какого черта он позволял так с собой обращаться? Почему, черт бы все взял, он умеет добиваться своего от людей на работе, но спотыкается о тупые манипуляции смазливой псевдоинтеллигентки? И что будет дальше, когда он поступит в официальную собственность этой милой девушки, которая так нравится его маме?

Думая так, он вспомнил Пушкина: «на свете счастья нет, но есть покой и воля».

Вспомнив это, он завис пуще прежнего.

Что, так-таки нет?

Отчего-то верить в это ему не хотелось. И он знал Пушкина с совершенно другой стороны. Может быть, у любого

человека бывают моменты, когда желание быть счастливым изменяет ему, он остается один на один со своими проблемами и им удается убедить его в том, что они и есть вся его жизнь?

Так стоял он на тротуаре долго, пребывая в неожиданном для себя смятении и беспорядке чувств.

А потом поднял глаза и заметил, как за легкими весенними облачками то здесь, то там виднеется небо.

Он посмотрел в это небо так, словно впервые видел его. Посмотрел, и вспомнил прочитанную где-то непомнится где фразу: в тот момент, когда вам кажется, что вы все потеряли, вы и начинаете получать. Вдруг заметил он, что вокруг начинается весна и подумал, что на юге отсюда есть море, и там еще больше весны.

Он вернулся в отель за вещами, сел в заранее забронированный дешевый «Опель» и поехал на юг – навстречу весне.

Мюнхен, апрель

Ездить в Европу Ксанти предпочитала на машине. Она начала кататься на лыжах четыре года назад и каталась в основном в Альпах. От Лондона до Альп – тысяча верст европейских дорог; даже в одиночестве несложно проехать их за день.

Горные лыжи – очень автозависимое занятие, потому что не известно заранее, где и какие будут условия для каталки.

Кроме того, ваши любимые трассы могут быть разбросаны на пространстве в десятки километров, и преодолевать эти километры на общественном транспорте не очень удобно.

Машину можно взять напрокат. Если вокруг вас лето и сухой чистый асфальт, вы просто берете то, что вам нравится. Или то, что дешевле. Но зимой на горной дороге может оказаться и лед, и свежий снег, а за ограждением – кювет глубиной в сотню метров. И будет совсем неплохо, если вместо дешевой рентовой тачки вас повезет полноприводный кроссовер, подготовленный ко всему, что может случиться зимой в горах.

Еще живя в Лондоне, Ксанти купила десятилетний «Вольво Икс Си 90» с левым рулем – для Европы – с дизелем и механикой, в самой дешевой комплектации, которую почти не поставляют в Россию. Постепенно она превратила его в идеальный автомобиль европейского лыжника. А также кавказского, хибинского, уральского и подмосковного – с переездом в Москву Альпы отодвинулись на полторы тысячи верст, и времени на них хватало теперь не всегда. Она все мечтала добраться на автомобиле до Алтая, где она в детстве не раз бывала с отцом, а там и до Байкала; ей очень понравились фотки каталки с видом на Байкал. Но ехать одной явно не стоило, а надежных попутчиков пока не нашлось.

Сейчас она едва успевала даже на самолете – первый циклон, обещающий свежий снег, быстро приближался.

В Мюнхене Ксанти знала прокат, в котором можно взять

подходящий автомобиль. Она заплатила хозяину проката, и тот укомплектовал по ее списку один из своих «Лендровер Дефендер 90». Этот британский аналог «УАЗа» совершенно не предназначен для дальних поездок по шоссе. Но это один из лучших автомобилей для любого бездорожья.

И для того, чтобы посмотреть на очень, очень сильный снег...

При посадке в Мюнхене сильно трясло – первый циклон был уже тут. Ксанти сидела возле иллюминатора, смотрела, как ходит вверх-вниз край крыла среди пронсящих мимо облачных клочьев, как постепенно появляется под этими облаками близкая, мокрая, неярко-утренняя земля, и радостное возбуждение все больше охватывало ее.

Снаружи лил дождь; ветер порывами бросал его в разные стороны. Ксанти добралась до своего лендроверного проката – какое счастье, что немцы рано встают! – и вскоре уже пробиравалась на юг среди мокрых баварских пейзажей и потоков дождя.

В это время в горах уже шел снег.

К северу от Альп, апрель

Конго выбрал по навигатору кратчайший путь на западное побережье Италии, и поехал по нему безо всяких лишних мыслей. Но первым же вечером он добрался до Альп. Конго не интересовался горами, но помнил со школы, что Альпы

высокие. И князь Суворов перешел их с трудом и не без потерь.

Конго подумал что в горах, наверное, еще идет снег. Маленький переднеприводный «Опель» и пребывающая на нем резина не вызвали желания оказаться на горной дороге в снегопад. Посему Конго попробовал Альпы объехать, и повернул на запад. Но Альпы оказались не только высокие, но и длинные. Скоро Конго наскучило ехать по одной и той же местности, и он опять повернул на юг. Это произошло в довольно случайном месте и Конго подозревал, что могут быть места и получше. Но думать об всесторонней оптимизации маршрута ему было лень. Он и так много думает – гораздо больше, чем положено в его должности!

Навигатор выдал ему новый маршрут – какими-то второстепенными огородами, потому что никакой крупной дороги поблизости не оказалось.

Ладно, не важно – зато это самый короткий маршрут. И можно будет посмотреть, как живут люди в местной глубинке – Конго был любопытен до таких вещей.

Вскоре он нашел дешевый отель в небольшом городке у подножия гор, и остановился там переночевать.

Проснувшись ночью он слышал, как идет сильный дождь.

Еще этой ночью Конго видел сон, который в нескольких разных версиях посещал его неоднократно. Повторявшаяся в нем ситуация была придумана очень давно, еще в шко-

ле. И это была совершенно нереалистичная ситуация. Казалось бы, взрослый человек не должен помнить такое. Но чем старше Конго становился, тем чаще вспоминал эту выдумку, и тем больше она ему нравилась.

Он был в лесу, летом, со своими людьми. Людьми барона Конго, если вы не в курсе. Судя по этим людям и этому лесу, дело происходило в какой-то Европа. Но меч был привычный, японский – Конго хорошо разбирался в таких вещах, и еще в детстве выбрал себе именно это оружие. Они ехали поддержать своего короля, который вел сейчас бой совсем рядом.

Как ни странно, они ехали под чужими знаменами и это, разумеется, было неспроста. Разведка сообщила, что противник ждет подкрепления, а отряд Конго должен был неожиданно напасть из засады во время боя, атаковав противника с фланга или с тыла. Самое слабое место такой атаки – сближение, потому что противник не может не заметить отряд, едущий чистым полем. Вот тут-то и пригодятся намалеванные поддельные знамена – его отряд сойдет за ожидаемое подкрепление. Когда они приблизятся и поднимут знамя короля, организовывать им достойную встречу будет уже поздно...

Впереди показался ему шум, и он движением руки остановил отряд.

Так и есть – это шум боя, они почти рядом.

Тихо, так, чтобы никто не услышал, он произнес фразу,

которую всегда говорил себе перед атакой:

– За короля, что дал мне меч, титул и землю...

Потом обернулся к отряду:

– За мной, шагом.

Через самое короткое время за деревьями появилось свободное пространство.

Конго снова обернулся:

– За мной, рысью.

Он уже видел противника, и выбирал место для удара.

Лошади выбрались из леса и перешли на рысь.

Он почувствовал величайшее, ни с чем не сравнимое вдохновение. В таких моментах перед атакой был для него и праздник, и ожидание еще большего праздника. Разве не то, что будет сейчас, подняло его с самых низов? Разве не оно дало ему все, что у него есть? Но это еще не все, будет и продолжение, и этого продолжения будет много!

Золото врагов не кончится никогда...

В долю секунды он вспомнил, как – голодранец без роду, без племени, сумевший доказать, что что-то умеет – он участвовал в первом бою, и как почувствовал это вдохновение в первый раз. Оно не имело отношения к противнику – в таких делах сегодняшний противник завтра союзник, а потом снова наоборот. Его вдохновение было предчувствием жизни, тем, что никогда не будет доступно батраку. Настоящей жизни – с поместьем, титулом, красивой женой из хорошей семьи, местом в Зале приемов, по которому он год

за годом будет перемещаться в сторону трона... А главное – с победой. Здесь и сейчас, этим мечом, он будет все больше приближаться к победе, и ярчайшее ощущение жизни будет с ним каждую секунду этого приближения.

Жизни!

Он вновь обернулся:

– Бросить собачьи знамена! В галоп! За короля!!

– За короля!! – заревели за его спиной.

Меч вышел из ножен, и поднялся к небу.

Последнее, что он видел, прежде чем сигнал будильника отнял у него и меч, и титул, и землю, и возможность год за годом приближаться к трону в Зале приемов, была вражеская пехота впереди. Он держал меч над головой, и ждал – вот сейчас расстояние сократится, и настанет момент, когда двадцатидюймовая бритва в его руке снимет первую голову...

Конго проснулся не рано; на улице шел дождь. Хотелось спать дальше, но оказаться на море хотелось немного сильнее. В состоянии неполного пробуждения он поехал по навигатору куда-то на юг. Дождь шел то сильнее, то слабей. Вокруг было серовато. Конго рулил и зевал.

Потом он заметил, что дорога пошла вверх.

Потом пошел снег.

Снег привлек его внимание, но ненадолго – прямо сказать, после московской зимы экзотикой он не казался.

Конго снова начал зевать.

Проснулся он от того, что ведущие колеса явственно повернулись.

Это было некстати. Конго понимал, что лед и подъем – сочетание явно не для такой тачки, на которой он едет сейчас. И не для такой резины, которую установили на ней теплым франкфуртским апрельским деньком. А так как впереди были горы, подъем не мог кончиться скоро и навсегда.

Конго стал обдумывать сложившееся положение. Так как он не впервые ездил по Европе и не лишен был предусмотрительности, ему было известно, куда звонить, если он не сможет продолжать ехать. Но цены ему тоже были известны, и он хотел обойтись без платной помощи.

Может, стоит все же вернуться, и обогнуть Альпы с запада?

Нет, далеко. И температура около нуля – скорее всего, этот снег скоро стает, и все будет хорошо...

Но хорошо не становилось. Становилось холоднее. Снег шел все сильней. Колеса проскальзывали все чаще. Конго заметил, что машины почти совершенно исчезли. Еще он вспомнил, что навигатор проложил маршрут по весьма второстепенной дороге. Она была короче любой другой, а никакого иного критерия при выборе дороги Конго не использовал...

Наконец на очередном округении подъема машина забуксовала обоими передними колесами, и остановилась.

Конго осторожно подал задом к обочине – там был сплош-

ной снег, кто знает, что под ним – поднял ручник и вышел из машины.

Вверх вели две бесснежные дорожки, оставленные буксующими колесами.

На дорожках был лед.

Просто лед, а под ним асфальт.

Конго отошел на несколько метров в сторону и разгреб снег носком ботинка.

Лед.

Разгреб в другом месте.

Тоже лед.

Неплохо! Похоже, здесь шел ледяной дождь...

Колеи в снегу, оставленные проехавшими ранее машинами, были слегка присыпаны свежим снегом.

Получается, здесь уже никто не ездит. В сущности, это логично. На этой дороге полно подъемов. Европейцы предпочитают неполноприводные тачки, которые в такой ситуации имеют шанс никуда не доехать. Какое-нибудь местное радио, которое он не слушает – он вообще не слушает радио – давно сообщило, что на участке таком-то гололед, и никто на него не суется. Недалеко есть дороги классом повыше, там наверняка чистят – вот по ним все и едут.

Он вернулся к машине, выключил двигатель, запер машину и пошел вперед, на подъем.

Метров сто, а потом гораздо более полого. Видно недалеко – сильный снег.

Но это хорошо, что снег. Потому что он прилипает ко льду, когда колеса сминают его, и создает прослойку, по которой они могут катиться, не касаясь льда. Если держать минимальный газ и не изменять его, так и будет. Подъемы требуют увеличивать обороты, и в этот момент колеса разрушают непрочный слой снега, отделяющий их ото льда. Он забуксовал потому, что прибавил газу. Если этого не делать, возможно, снежная прослойка и не будет разваливаться под колесами...

Он вернулся к машине и попытался тронуться, но это не получалось – колеса сразу начинали буксовать. И на первой, и на второй, и после подсыпания под них уплотненного ботинками снега.

Ничего страшного. Тронуться в такой ситуации и должно быть тяжело. Ехать на постоянном газу куда легче...

Он снова вылез, и осмотрел багажник.

В багажнике нашлась сумочка с инструментом, довольно скромная. Но в ней был довольно увесистый колесный ключ.

Этим ключом Конго некоторое время долбил ледяные дорожки перед колесами, а потом посыпал их снегом, и утрамбовывал. Первые попытки тронуться к успеху не привели. Но в конце концов он подобрал такой уровень раздолбанности льда, что «Опель» сумел тронуться и покатил на подъем. За подъемом стало еще лучше, и Конго торжествовал, но лишь до тех пор, пока подъем ни начался снова.

Тогда он снова забуксовал.

Рецепт у него уже был, и он принялся долбить лед.

Между тем, мимо проехала легковая тачка. Конго знал, что она не полноприводная. Она ползла осторожно, но все же ползла. Понаблюдав за ней, Конго заметил, что на ее колеса надета какая-то редкая светлая сетка, словно их обкрутили толстой проволокой.

Может, в этом и дело?

Как бы то ни было, у него не было никакой проволоки, а был колесный ключ. И с его помощью «Опель» тронулся снова.

Но на сей раз триумф продлился считанные метры. Минут пятнадцать долбежки не привели ни к чему.

Тогда Конго применил средство, которое успел обдумать, пока долбил лед и прикидывал, что будет делать, если сие помогать перестанет.

Он отошел на обочину, разгреб ногами снег и попробовал ключом землю. Земля совершенно не промерзла. Если насыпать ее на раздолбанный лед, трение увеличится. А может быть, его хватит, если сыпать просто на лед.

В багажнике не нашлось ничего, похожего на совок, но у Конго была банка консервированных ананасов – он любил ананасы. Тотчас они были съедены, а банка использована для подсыпания земли под колеса.

«Опель» снова поехал.

Как можно предположить, он ехал до подъема, который оказался круче всех прежних. Это был долгий подъем,

но за ним навигатор показывал какой-то населенный пункт. Кроме того, Конго удалось выяснить, что в населенном пункте есть отель, удобно стоящий возле дороги. В таких городках почти все общественно значимое стоит возле дорог... Он переночует в этом отеле, а к утру погода может улучшиться. Сейчас весна. Снег не может идти долго.

По крайней мере, в это хочется верить.

Оставалось доехать.

Конго снова принялся долбить и сыпать. Ему то удавалось тронуться, то он опять буксовал. Он порядком устал. Мимо проехало некоторое количество машин, но никто, как и следовало ожидать, не остановился. Возможно, проезжающие видели нездешние номера. А может, здесь просто не принято останавливаться в таких ситуациях. По крайней мере, без соответствующего приглашения. Конго их не останавливал – вот они и не останавливались.

Но когда очередная неспешно ползущая машина поравнялась с ним, произошло неожиданное – машина опередила его, срулила на обочину и остановилась.

Конго, сидевший перед «Опелем» на корточках с колесным ключом, поднялся, глядя на нее.

Ярко-зеленый «Дефендер» вез на крыше слой пушистого свежего снега; похоже, он путешествовал через этот снег уже долго.

Тотчас перед Конго предстала леди лет двадцати, в джинсах, майке и кроссовках, которые ассоциировались скорее

с прогулками, чем со спортзалом. Пока дверь машины оставалась открытой, Конго явственно слышал музыку Поля Мориа. Кроме леди, в машине никого не было.

Несколько секунд они молча рассматривали друг друга.

Он увидел вполне обычную девушку, среднего роста, довольно невзрачную, но с приличной фигуркой и неслучайно-правильными чертами лица. Лицо ее показалось Конго приветливым и отчего-то привычным, хотя он точно знал, что они не знакомы. Почему-то вспомнился сингл про Алису, где «Секрет» так похож на «битлов» – ту, которая не слишком любит гостей и проводит вечера в одиночестве, и любит при этом мечтать, а еще есть конфеты. Но у той Алисы, наверное, могло сохраниться что-то детское в лице – если не черты, то выражение. Лицо этой Алисы состояло из одних взрослых черт – и внимательные взрослые глаза создавали ощущение, что она принимает решение, глядя на вас.

Еще у Алисы из песенки явно не было такого автомобиля. Если вы любите сидеть дома, зачем вам «Дефендер»?

Все детальки этой картинки – одежда, собранные в «хвост» волосы, практичная на зимней дороге машина – были совершенно функциональны, без претензий на что-то еще. И вся эта аккуратная функциональность выглядела очень дружелюбно и надежно. Каждой ее черточкой Алиса говорила: со мной легко, со мной не скучно, я занимаюсь тем, что требует ответственности и реализма, я сама умею

найти что-то интересное в жизни и обеспечить себя хорошим настроением, и мне есть о чем подумать, кроме своего несравненного имиджа. А еще она говорила: мне кажется – я умею мечтать.

Возможно, что-то из этого списка он не столько увидел, сколько придумал – но именно потому, что ясно видимое позволяло это придумать.

Она увидела человека лет тридцати, ничем особо не примечательного, брившегося явно не нынче, в брюках и свитере, которые друг к другу совершенно не шли. Человек этот долго и старательно работал на свежем воздухе, ибо выглядел раскрасневшимся и слегка вспотевшим, а на коленях его брюк виднелась земля. За его машиной тянулась длинная колея с пятнами присыпанного землей льда. Колея эта и побудила Ксанти остановиться, ибо она видела такое упорство впервые. Застрявшая среди снегопада машина едва ли может улучшить чье-либо настроение. Но этот человек улыбался. И оттого лицо его, скорее неглупое и открытое, чем заурядное, приобретало явственную привлекательность. Она поискала глазами лыжи или борд в салоне его «Опеля», потому что человек выглядел очень подтянуто, и ехал в сторону гор – но ничего такого там не было.

Жаль!

Потому что он сразу понравился ей. Потому что показался знакомым, хотя никогда раньше она не встречала его. И по-

тому что у его улыбки не могло быть иной причины кроме той, что она тоже понравилась ему.

– Добрый вечер! Вы говорите по-английски?

Он кивнул.

– Добрый вечер. Да, говорю.

Она подошла, глядя на «Опель».

Он это заметил – сперва посмотрела, и только потом спросила:

– Что с ним?

На ней не было макияжа, а посредине носа словно проходила горизонтальная черта, разделяющая лицо на две части – светлую верхнюю и более загорелую нижнюю.

– Скользит...

– Цепей у вас нет?

– Что это?

Она посмотрела на него с некоторым удивлением, и улыбка стала появляться на ее лице:

– Понятно. Тачка прокатная?

– Ну да.

– Можно посмотреть у вас в багажнике? Я имею в виду цепи...

– Конечно, – он сунулся в салон и открыл багажник.

Она посмотрела:

– Нет, к сожалению, – она закрыла багажник, – а в салоне?

– Посмотрите.

Она посмотрела и там.

– Тоже нет. Плохо... Вы часто бываете в горах, если не секрет?

– Впервые в жизни.

Она снова улыбнулась:

– Понятно. Что вы хотите делать дальше?

– Ехать до города, – Конго кивнул вперед.

– А потом?

– На побережье, – Конго снова кивнул туда же.

Она подняла брови, указав взглядом на «Опель»:

– На этом?

– Ну да.

– Вы прогноз слышали?

Он отрицательно покачал головой:

– Нет. А если бы слышал, все равно бы не понял.

Тогда она перестала улыбаться:

– Скоро будет сильный снегопад. Может, дня через два или три. Вам не стоит находиться в это время в горах. Наверное, вам лучше остановиться где-нибудь до утра, а потом сразу ехать дальше, и не возвращаться в горы до конца снегопадов. Тот, который сейчас, скоро кончится. Дороги расчистят... и обязательно купите цепи. Лучше два комплекта, они нередко рвутся.

Он покачал головой. Как, однако, много нужно знать, чтобы нигде не влипнуть в проблемы! Цепи...

– Я и хотел доехать до города и переночевать там, – ска-

зал он.

Она отрицательно покачала головой:

– Так вы и до утра не доедете. Я вас оттащу.

– Это не будет сложно?

– Нет. В этом танке дизель и «механика».

Конго улыбнулся:

– Спасибо...

Она повернулась, и пошла к своей машине. Открыла заднюю дверь, и извлекла свернутый трос.

– Знаете, за что прицепить?

Ее некрашенные ногти были коротко острижены, но такой формы, что на них хотелось смотреть.

Он отрицательно покачал головой. У него было смутное подозрение, что тачки вроде этого «Опеля» строят исключительно в расчете на эвакуатор.

– Найду. Если сильно не дергать, можно привязать за много чего...

Она сделала предупреждающий жест:

– Подождите. Принесу вам пленку...

Снова вернулась к машине и достала из багажника нечто вроде свернутой во много раз пленки для парника.

– Спасибо...

Конго взял пленку, положил перед бампером «Опеля», улегся на нее и просунул руку под моторный отсек. К чему привязать веревку, можно было определить на ощупь – ясно ведь, какие детали насколько прочные. Привязал осторож-

но, чтобы не пачкать руки, свернул пленку мокрой стороной внутрь и отдал ей.

– Скажете, когда можно будет надеть трос на фаркоп...

«Дефендер» осторожно подполз задом.

– О-кей!

Мисс Алиса вылезла, и закрепила трос на фаркопе.

В этот момент Конго увидел ее по-новому.

Ничего особенного не произошло. Просто мисс Алиса повернулась к нему спиной и чуть наклонилась, прилаживая трос. Это было совершенно естественное движение, безо всякого скрытого смысла. Но оно показало то, что заинтересовало самца обезьяны, пребывавшего во вполне цивилизованном и политкорректном господине Конго.

Сам Конго был приятно удивлен тем, что мисс Алиса оказалась дружественным существом. Наверное, на подсознательном уровне Конго отметил, что все в ее имидже и манерах прямо противоположно его нынешней гелфрендше – и это, конечно, еще придало ей привлекательности. Конго отдал себе отчет в том, что ему понравились ее лицо и фигура. Возможно, подсознательно Конго почувствовал, что это лицо и эта фигура смогут его возбуждать. Но на сознательный уровень это возбуждение не вышло – дружелюбность Алисы заблокировала ее. А вот обтянутая джинсами и майкой фигура, вид сзади, этот блок сняли. И тогда сознание Конго и неосознанное желание самца обезьяны объединились, и в голове Конго произошел мгновенный синергиче-

ский взрыв.

Перед ним была самка, которая понравилась ему как таковая, и которая оказалась дружественным существом.

Неплохо!..

Тогда время остановилось для Конго и он почувствовал, что во рту у него пересохло. Пока она возилась с тросом – а это длилось едва ли дольше десятка секунд – самец обезьяны вылизал ее жадным взглядом с ног до головы множество раз. Он так увлекся этим занятием, что Конго не успел изменить ни направление, ни выражение своего взгляда, когда мисс Алиса выпрямилась и повернулась к нему.

Она повернулась к нему и споткнулась о его взгляд.

Разумеется, она много раз ловила подобные взгляды. Но только подобные – и при этом не в основном. Те, к которым она привыкла, имели одну характерную черту – они тут же отдергивались, когда встречались с ее взглядом. Иногда они отдергивались раньше – ведь не сложно предугадать направление взгляда другого человека, если он не торопится этот взгляд перевести.

Гораздо реже ей случалось несколько секунд смотреть в глаза человека, который рассматривал ее только что. Иногда этот человек начинал улыбаться, и тогда она отвечала ему улыбкой. Иногда – отводила взгляд сама.

Как ни странно, к ней ни разу не подошел ни один из тех, кому она улыбалась. Наверное – думала она – такая непро-

извольная, свободная, ненаигранная улыбка, какой отвечают ей эти люди – не сексуальный сигнал. Сексуальные сигналы обычно кажутся зажатými и настороженными, как будто тот, кто их подает, сам считает, что поступает предосудительно. Обманывает, нарушает какие-то правила, предлагает негодный товар... Множество мужчин точно крадут что-то, побуждая женщину к сексу. Что ж – им виднее! Но бывает, что человек просто повышает себе настроение, получая от девушек улыбки. Это именно то, что он хочет, и ничего другого не будет. Ей казалось, что так делают только не слишком молодые и вполне уверенные в себе мужики. Легко поверить, что у них разумные предложения и хороший товар, но сложно – что на этот товар нет постоянных покупательниц...

Но этот человек не улыбался и не отводил взгляд. В этом взгляде было принятое решение. Ни сомнений, ни желания что-либо объяснить или узнать. И даже не столько решение, сколько констатация факта, словно решение это не только принято, но и выполнено.

Тогда она сделала глотательное движение – что-то мешалось – и сказала:

– Зачем вы это делали? Я имею в виду – можно было вызвать эвакуатор... – и указала взглядом на дорогу за его машиной с двумя колеями, которые понемногу засыпал снег.

Тогда он засмеялся.

Это был совершенно произвольный и очень довольный смех. Смех человека, который радуется какой-то победе. Ка-

кому-то превосходству. Какой-то реализованной возможности.

– Да просто потому, что мне так хотелось! Это же интересно – сделать все самому!

Он хотел добавить: потому, что мне хотелось сделать не так, как делают обычно. Как принято. Как от меня ждут. Ждут, что я признаю свое поражение и обращусь за помощью, и мне выставят счет. И я должен буду его оплатить, потому что ничего не могу сделать сам. И все порадуются: он совсем не сильный, им можно управлять, он вынужден платить за помощь...

Но самец обезьяны вовремя заткнул ему рот.

Потому что тогда в его мозгу возник второй синергический взрыв, и ему явилось откровение.

Его приняли за другого.

Да – приняли за другого, и признали его право смотреть на понравившуюся женщину так, словно его решение уже выполнено. Эта леди со странным загаром не знает его. Она не знает о его гелфрендше и маме. Не знает, что он не может уехать в отпуск один. Что его можно отчитывать. Что с ним можно не считаться, а лишь создавать у него иллюзию того, что его мнение что-то значит. Она решила, что он из тех, у кого все наоборот.

И вслед за вторым, с промежутком в несколько секунд, последовал третий синергический взрыв, и очередное откоро-

вание оказалось круче всех прежних.

Он вспомнил отца – и его подружку, моложе его на полжизни. Которая не знала, что этот человек никогда ничего не решал, состоя в браке. Которая видела – память тотчас забросала Конго тысячей черточек, что стал замечать и он у отца после развода – совсем другого, нового для Конго человека. Совершенно самодостаточного. С работой, в которой он хорошо разбирается. С хобби, которые обеспечивают его смыслом жизни. Спокойного, сочувственно-ироничного, уверенного во всем, что думает, делает и говорит. Который полжизни уступал не потому, что был слаб, а потому, что считал помыкавших им людей не противниками, а своими, близкими, достойными уступок. Но постепенно понял, что они ничего не достойны. И вместо того, чтобы пытаться исправить привычное, просто начал с начала – но уже не изменяя собственной сущности ради самоубийственных заблуждений.

– Поедьте, – сказал Конго, по-прежнему глядя мисс Алисе в глаза, – вы замерзнете в своей майке...

Еще секунду она смотрела на него, а потом кивнула и полезла в машину.

То, что произошло дальше, ему очень понравилось. «Дефендер» двинулся вперед, очень медленно, и в какой-то момент Конго заметил, что его машина движется тоже. Почувствовать начало движения он не смог. Мисс Алиса так

использовала полувывжатое сцепление, что никакого рывка в момент сдвигания «Опеля» не было. Или он был такой слабый, что его самортизировал трос... Неплохо по нынешним временам, когда большинство водил с небольшим стажем вообще не смогут тронуться без «автомата»...

Отель показался за снегом, когда до него было метров пятьдесят.

Мисс Алиса включила поворотник и коснулась педали тормоза, чтобы засветившиеся ненадолго стоп-сигналы показали ее намерение, и Конго был готов тормозить. Она стащила «Опель» на обочину, где не было покрытого льдом асфальта, и там они благополучно остановились – перед дорожкой, ведущей к отелю.

Мисс Алиса вышла, и направилась к его машине; ее появление сопровождал голос Джо Дасена.

Конго вылез ей навстречу.

Она подошла.

– Далеко вам еще? – спросил он.

Она быстро глянула на него и отвела взгляд:

– Ну... – она снова посмотрела на него, – недалеко. Я хотела заехать подальше в горы до начала снегопада – покататься на лыжах – но опоздала. Сейчас некоторые участки дорог уже закрыты... на перевалах, к примеру, – она замолчала, понимая, что следует из ее слов.

– Давайте поужинаем где-нибудь, – сказал Конго то, что

и должно было последовать за ее словами, – я ведь могу вас поблагодарить, так?

Она посмотрела в сторону и едва заметно улыбнулась:
– Ну... да, можете...

«А потом ты поедешь дальше, на ночь глядя, в сторону закрытых перевалов, – подумала она с немалой иронией, – он поверит, что ты сделаешь именно так? Если ты здесь ужинаешь – ты здесь и ночуешь. И... и как это будет, скажи пожалуйста?»

Но думать об этом ей не хотелось.

Вообще ни о чем не хотелось думать.

Хотелось вспоминать взгляд, который он не отвел – и который говорил ей, что его решение не только принято, но и выполнено. Потому что она давно ждала этого. Потому, что именно таким – среди выполненных решений, неспособным к сомнению – выглядел ее отец. Даже тогда, когда она чувствовала, что он сомневается.

Но его жена и вторая, мамина дочка, были защищены от его трудностей и сомнений.

И только ей, и только когда настала пора учить ее добывать свой кусок жизни, он стал рассказывать все – и только тогда она узнала, что истинный мачо не тот, кто не сомневается, а тот кто умеет все-таки делать, не смотря на сомнения. Узнала, что человек не может жить, не сгибаясь и не уклоняясь. Что человеческий мир слишком мелок, за-

вистлив и слаб, чтобы мачо мог встать в полный рост, и не получить удар в спину. Что он должен притворяться и врать, и только полное презрение к враждебной силе спасает его от презренья к себе. Что есть принципиальная разница между готовым к компромиссам мастером человеческой борьбы, и простым лизоблюдом. Что можно сознавать всю силу противостоящего тебе мира и не бояться его, и бороться с ним, сохраняя ясность ума и точность удара. Что можно позволить себе не любить окружающее, не обманывать в этом себя, и не прятать свой страх за стокгольмский синдром.

И в какой-то момент она поняла, что боится мужчин, которые боятся женщин. Ведь если кто-то не может взять желаемое от женщины, которая рада его полюбить, было бы за что – как обойдется с ним жизнь, которой он безразличен, и куда он потянет свой слабостью своих близких?

И она вспоминала тот самый взгляд, и все думала – неужели?

И еще: если он и играет – по крайней мере, он знает, что должен играть. И если побуждать его играть это снова и снова, если показывать ему каждый день – да, ты такой! – желанная маска заменит собой ненужное лицо, и вместо элементарной частицы людского моря явится на свет человек.

– Пойдемте посмотрим, что у них там, – Конго кивнул в сторону отеля, потом вспомнил кое-что и глянул на свои брюки, – только подождите пару минут, я переоденусь. У ме-

ня есть джинсы.

– А у меня есть щетка для одежды, – сказала она, – можно попробовать оттереть. На брюках такого цвета не слишком заметно, даже если не совсем ототрется, – она вопросительно посмотрела на него, – принести?

Он кивнул:

– Да, спасибо.

Пока она ходила за щеткой – и еще за флисовой курточкой, и еще за рюкзаком, в котором, похоже, хранила то, что не стоит оставлять в машине – Конго стащил свитер и надел валявшийся на заднем сиденье пиджак. Все ценное, что у него с собой было, лежало в карманах пиджака. Пиджак был совсем не костюмный – Конго крайне редко носил костюмы – так что диссонанс с имиджем мисс Алисы был, но Конго оценил его как вполне допустимый по европейским меркам. Кроме того, пиджак несколько расширял его плечи. Конго старательно качал дельтовидные мышцы и преуспел в этом, но ему все равно казалось, что можно и пошире.

Высохшая земля, и верно, покинула конговские штаны легко и практически полностью.

В отеле и ресторане понимали английский, но говорили не слишком уверенно – сказывалась глубинка. Ресторан оказался совсем небольшим, недорогим и почти необитаемым.

– Вы бывали раньше в этих краях? – спросила мисс Алиса, когда они уселись в дальнем углу.

Конго отрицательно pokrутил головой:

– Нет. Самое близкое – в Мюнхене.

– Тогда я вам кое-что порекомендую, – сказала она и стала водить пальцем по меню, сосредоточенно его изучая; было что-то по-детски серьезное в том, как она это делала – и очень взросло-ироничное в то же время.

Посреди этого занятия она внезапно подняла глаза, и на секунду встретилась с ним взглядом.

Потом, как ни в чем ни бывало, вернулась к меню.

– Вы часто бываете здесь? – спросил он, когда вопрос с кормежкой был решен.

Она кивнула:

– Часто. При том в любое время года. Проездом. Езжу кататься на лыжах. Отсюда совсем близко до первых лыжных районов. Я имею в виду – первых, если ехать с севера... или с северо-запада. От Мюнхена, или от Лондона, например.

– А что вы здесь делаете летом?

– Бывает – тоже катаюсь на лыжах, – она посмотрела на него, – только в других местах. Высоко. Летом в Альпах кое-где лежит снег. На ледниках. Знаете, что такое ледники?

– Знаю.

– Что вы любите больше – зиму или лето?

Конго улыбнулся – от того ощущения, о котором вспомнил при этих ее словах:

– Лето. Причем очень. В детстве я всегда проводил лето за городом. Помню, я мог чувствовать себя счастливым про-

сто от того, что оно наступило...

Она спросила – совершенно серьезным тоном:

– А сейчас вы бываете от этого счастливы?

– Конечно. Лето ведь не изменилось. И очень надеюсь, что я тоже не изменился с тех пор. В том смысле, что не стал просто обычным взрослым, который уверен, что не должен радоваться детским игрушкам.

Он чуть улыбнулся, говоря это, но лицо мисс Алисы отразило внимание, а не его улыбку.

– А от чего еще вы бываете счастливы?

Конго немного подумал.

– Еще – когда в отпуске беру на прокат тачку и еду, куда захочу. Наверное, так ездят фанатичные байкеры – важна не цель, а процесс езды. Как в «Easy rider».

– Вы смотрели «Easy rider»?

– Да. Это же классика.

– Забытая... А еще?

– Когда что-то получается. Даже мелочь. Но не очень простая, и... не такая, как у других... то, что другие не могут. Когда наступает хорошая погода после пасмурной... Когда зимой делаешь что-то на улице, в загородном доме родителей, а потом греешься у камина... Когда возвращаешься в места, которые нравятся... Когда находишь какую-то новую цель... – он посмотрел на нее и хотел улыбнуться, но она по-прежнему смотрела на него без улыбки, и он сказал, – то, что я говорю, имеет значение?

Она кивнула:

– Да. А иначе я бы не спрашивала.

Помолчала несколько секунд и сказала:

– Я тоже люблю лето больше зимы. И очень довольна, что оно может быть связано с лыжами. Забавно, но почти все места, где люди обычно катаются на лыжах, находятся на такой широте, что большую часть года там почти лето... разве что иногда деревья без листьев. А в горах зима, потому что высоко... Но настоящим летом в горах хорошо тоже. Представьте: рано утром вы катаетесь по снегу. А потом спускаетесь вниз, а там жара, все зеленое. Можно купаться. Несколько часов на машине – и можно купаться в море. И по какой дороге! Асфальт сухой. Можно поехать на спортивной тачке, которая хорошо рулится. Между Альпами и морем есть просто невероятные дороги. Просто для полета! В меру извилистые и часто пустые. И хорошо просматриваются, если идут высоко, потому что там уже нет леса. Трава и камни. Высокие безлюдные горы вокруг... Можно представить, что вы где-нибудь в Гималаях... И лететь...

Она радостно засмеялась.

Потом в ее взгляде появился оттенок иронии:

– У меня нет спортивной тачки. Но у меня есть сотрудник, который иногда дает мне свой «бумер-эм-три». Причем тюнингованный «эм-три». С другой прошивкой компа и не совсем обычной резиной... Зато есть мотоцикл. Мотоциклов у меня много перебывало... Правда, лыжи на них

возить неудобно. Но ездить на них по горам хорошо и просто так. Просто кататься и смотреть вокруг. На мотоцикле совершенно другое ощущение пространства... я имею в виде – не такое, как в автомобиле... Мне нравятся недевчачьи игрушки, – она посмотрела на Конго – с ожиданием его реакции, как ему показалось.

– Почему?

Она усмехнулась:

– Понимаете... в нашей семье двое детей, и обе девочки. Я – младшая. А мой отец... он такой человек, который не признает обстоятельств, если может хоть что-то им противопоставить. И когда у него родилась вторая дочь, он решил... как бы получше сказать? Что он будет делать вид, что это не девочка. Моя старшая сестра осталась маминой дочкой...

Конго засмеялся.

Мисс Алиса посмотрела на него:

– Не смейтесь. На самом деле, я довольна, что так получилось. Мой отец – человек, который знает правильные решения. Он на двенадцать лет старше мамы. У него несколько торговых компаний. Он почти всегда настаивает на своем. А вот мне он ни в чем никогда не отказывал. Правда, если дело шло о чем-то серьезном, я получала это не сразу. Надо было еще доказать, что я действительно это хочу. Иногда я должна была рассказать, зачем мне это нужно. Что именно в желаемом должно доставить мне удовольствие... А вот по-

пробовать можно было все сразу. Когда я стала постарше, он рассказал мне, почему он так делал. Он хотел, чтобы я умела выбирать среди случайных желаний то, что действительно много мне даст. Потому что в любое серьезное желание надо много вложить, прежде чем оно начнет давать результат. Еще – потому что можно всю жизнь принимать чужие желания за свои, и получать мало или вообще ничего. А еще в детстве я не видела никакой рекламы. Не смотрела телевизор. Отец говорил: если ребенок не смотрит телевизор, все его желания надо исполнять. Потому что они идут не от рекламы, а от потребности познавать мир и самоутверждаться в нем. И теперь я смотрю на некоторых людей... на свою старшую сестру, например – и думаю: бедняги! Насколько больше меня они тратят, и насколько меньше имеют!

– Неплохо!.. Вы не видели рекламу девчачьих игрушек и оказалось, что они не являются вашими настоящими желаниями?

Она засмеялась:

– Да, именно! Но, – она подняла указательный палец наиграно-поучительным жестом, – отец на эту тему говорит: ни один женский организм не может сделать столько тестостерона, чтобы быть счастливым не по-женски... Впрочем, одна девчачья игрушка у меня все же была.

– Какая?

– Лошадь. Настоящая лошадь, я имею в виду. Мне было тогда четырнадцать лет. Арабская кобыла. Арабских лоша-

дей существует несколько пород. Самые маленькие взрослому всаднику не подходят, разве что очень легкому. А девочке моей комплекции – идеально. У нее был очень смирный нрав и отличные аллюры... аллюры – это шаг, рысь и галоп, быстрее и быстрее. Ровный плавный галоп – это ощущение еще то...

– А почему это девчачья игрушка?

Она пожала плечами и усмехнулась:

– Точно не известно. Но большинство лошадиников – девочки в возрасте от пятнадцати до... ну, по-разному. Говорят, – она быстро глянула на него, – здесь дело в каких-то запахах, которые вызывают возбуждение. Почему-то именно у женщин... Но в шестнадцать я сменила лошадь на мотоцикл.

– Почему?

– Мотоцикл – это механическая лошадь, – мисс Алиса снова посмотрела на него и рассмеялась, – ощущения очень похожи. Даже посадка похожа. Но намного быстрее. И это «быстрее» мне понравилось. К счастью, я вовремя поняла, что начинаю обманывать себя – убеждать, что это безопасно. А это опасно. И при том – далеко не единственное, что мне нравится. И в байке – в том числе.

– А что вам нравится в байке сейчас?

– Сейчас – медленно и плавно. Чтобы можно было смотреть по сторонам... С мотоциклом вообще приятно общаться. Для этого не нужно гонять. Возможно поэтому сейчас я

езжу на аппарате, который выглядит очень несовременно – зато как настоящий мотоцикл.

– А что стало с вашей лошадью?

– Лошадь продали... Лошади не привязываются к человеку. Им только надо, чтобы с ними хорошо обращались. Кто именно – все равно.

– Люди тоже такие бывают, – сказал Конго, – этим они удобны, и этим же безнадежно неинтересны.

Мисс Алиса быстро глянула на него, но ничего не сказала.

– Если я правильно определил, вам нравится французская эстрада. В том числе и не самая новая.

Она выставила вперед ладони защищающимся жестом:

– Кроме женской. Отдает посиделками подружек, которые никак не могут найти мужиков. Исключений знаю мало. Дженис Джоплин – но это не эстрада. «Я смогла выжить!» Правда, она-то как раз этого не смогла. То ли передозировка, то ли какая-то темная история... Еще у Мирей Матье есть «Чао бомбино, сори». Я посмеялась, когда немного выучила французский и услышала эту песню. Кроме традиционного европейского антиамериканизма там есть еще кое-что... общечеловеческое... как не надо делать... – она усмехнулась, – посмотрите этот текст и подумайте над ним... Но конечно, я предпочитаю мужской вокал. И еще больше – инструменталки. А вообще, мне нравится любая музыка, в которой есть мелодия.

– Сами заинтересовались или кто подсказал?

Она улыбнулась:

– Подарок от мамы. Один из двух очень настоящих подарков, которые я от нее получила... У нее музыкальное образование, она хотела стать пианисткой. После встречи с отцом предпочла заниматься семьей. Но продолжала играть – дома. У меня хороший слух. И хорошее чувство ритма. Например, я чувствую, что переключение передач при разгоне подчиняется разным ритмам – в зависимости от того, насколько интенсивно разгоняешься... я всегда езжу только на «механике»... Мелодия меня просто гипнотизирует. Любая – стиль не важен. Так что я одинаково хорошо кушаю и классику, и классический рок, и диско... – мисс Алиса усмехнулась, – и вот что интересно! Старшая сестра училась играть на фоно. Меня эта участь миновала, – она засмеялась, – папа отмазал! Но если серьезно – ясно же было что ребенок, для которого главный кайф – это движение и пространство, не сможет часами сидеть за роялем... Так вот: меня не учили музыке, но мне она нравится. Сестру учили, и она ее ненавидит.

Конго засмеялся.

Мисс Алиса поулыбалась, потом сказала:

– Отец рассказывал мне, как однажды пришел в зал, где мама, так скажем, тренировалась в игре на фоно. Понятно, в одиночестве... Он сказал, что это выглядело очень сексуально – юная леди с этакой тонкой фигурой перед огромным черным «Стейнвеем». Ему показалось, что она как-то по-особенному общается с роялем. Что-то вроде того, как иные

дамочки облизываются на большие черные автомобили... Он говорил – она даже глаза прикрывала каким-то очень характерным образом во время игры. Она не видела, как он вошел... – мисс Алиса посмотрела в сторону, потом на Конго, потом снова в сторону, – я постеснялась спросить, что было дальше. Но с тех пор секс с участием длинного черного рояля стал одним из моих планов. Не реализованным пока...

Она посмотрела на Конго.

– Почему – не реализованным?

Мисс Алиса с деланным безразличием пожала плечами:

– Не нашлось подходящего рояля. Там был концертный, самый большой... их несколько размеров, такие рояли не держат дома, – она посмотрела на Конго, – иногда я жалею, что не научилась играть...

Он засмеялся.

Потом встретился с ней взглядом.

Ее глаза содержали мечтательное ожидание. Очень легкое и явно наигранное. Но сама тщательная дозированность этой игры вызвала у Конго вспышку явственного восхищения. Она знала, что и как сыграть. Чувствовала. Ни одна девушка, которую Конго знал хорошо, не могла играть так.

– А что было вторым подарком?

Ее взгляд стал серьезным:

– Вторым было то, что она показала, как ведет себя нормальная женщина с нормальным мужиком. Поэтому в детстве мне казалось, что вокруг очень много сумасшедших.

Которые специально делают так, чтобы все было плохо...

Он смотрел на нее, слушал ее и думал – кто она? Просто любимая дочка состоятельного папы? Или чем-то занимается? Судя по возрасту, она может учиться... Может, она специально избегает разговора о том, кто есть кто?

За окнами быстро темнело, посетители исчезли; время шло. Они все говорили – о самых разных вещах, часто не связанных друг с другом.

Тянуть дальше не стоило, и когда в разговоре наступила очередная пауза, Конго посмотрел в темно-фиолетовое окно, осмотрел пустой ресторан и сказал:

– Похоже, по здешним меркам уже поздно. Давайте устраивать вас на ночь...

Когда они вышли в фойе, она сказала:

– Надо затащить вашу машину на стоянку перед отелем. Ночью наверняка пойдут снегоочистители – она может им помешать.

Снова явилось полувыжатое сцепление и такие маневры с «Опелем» на веревке, что за их просмотр Конго был готов заплатить деньги.

В отеле он спросил два сингла и оплатил оба. Мисс Алиса молчала. Он взял ее чехол с лыжами и второй рюкзак – побольше и заметно потяжелее первого – и отнес в ее номер. Она молча следовала за ним. В номере, войдя первым, он поставил в угол чехол и рюкзак, и свою сумку, которую

нес на плече, и повернулся к вошедшей следом мисс Алисе. Он так и не включил в номере свет, и она стояла возле двери, темным силуэтом на фоне неярко освещенного коридора, и смотрела на него.

Тогда он молча шагнул к ней, и обнял обоими руками – за талию и за плечи. Пока они шли по лестнице да по коридору, он постарался убедить себя в том, что идет с давней знакомой, которая только и ждет, чтобы оказаться с ним вдвоем в номере. В таких вещах важна естественность и отсутствие сомнений. Люди, похоже, не столько анализируют ситуацию, сколько подсознательно оценивают вашу уверенность в том, что должно быть именно так...

Мисс Алиса молча уперлась руками ему в грудь.

Надо сказать, он оценил силу этого движения – особенно учитывая, что ни малейшего намека на стресс он при этом у нее не заметил. Но после всего произошедшего оно могло иметь только одно правдоподобное объяснение. И в следующую секунду мисс Алиса оказалась прижата к нему настолько сильно, насколько он мог это сделать.

Ее руки сразу ослабли; несколько секунд она не двигалась и даже, кажется, не дышала.

Он плавно ослабил усилие; она быстро вдохнула и выдохнула, и этот неслучайный ритм дыхания так и остался; ему казалось, что он чувствует удары ее сердца. Он отпустил ее, захлопнул дверь и повернул ручку замка.

Потом подхватил мисс Алису на руки и осторожно поло-

жил на койку.

Это была самая необычная ночь, которую он провел с девушкой, занимаясь сексом. Ни он, ни она не могли потом вспомнить, сколько же раз это им удалось. Они засыпали и просыпались неведомо от чего. Они ни разу не потеряли контакта друг с другом, все время соприкасаясь. И что самое необычное – они не сказали друг другу ни слова.

Он быстро понял, что Алиса предлагает ему какую-то игру, в которой надо молчать. Игра оказалась очень интересной. Наверное, играть в нее имело смысл только в такой обстановке – когда темно, тихо, и вы то и дело проваливаетесь в сон. Тогда граница между сном и реальностью размывается, а все внешнее исчезает. Второе важнее. Постепенно Конго все больше замыкался на партнерше, все прочее перестало существовать и все его чувства невероятно обострились, и их как будто бы стало больше. Потом граница между ним и Алисой исчезла совсем; ему казалось, что они чувствуют одно и то же. Когда он начинал засыпать, начиналось падение – плавное совместное падение непонятно куда; он падал, прижимая ее к себе и это было настолько невероятное, восхитительное ощущение, что он не мог сравнить его ни с чем другим. Он давно подозревал, что самые сильные ощущения, которые может дать ему партнерша – это совсем не оргазм. И это очень просто получить – но нужно найти такую партнершу, с которой это просто, потому что с другой этого

не будет совсем.

И еще, вспоминая эту ночь, он думал, что это было первый случай в его жизни, когда его партнерша занималась сексом с ним, а не со своими ощущениями, а он занимается сексом с ней, а не со своими фантазиями.

И еще думал: секс тут не при чем – он был просто пусковым механизмом. Они занимались сексом утром, при дневном свете, и это было весело, просто, примитивно и грубовато и отлично возбуждало. А вот что они делали ночью – так и осталось не вполне ясно.

– Что дальше? – спросила она утром – и Конго понял это вот как: что будет дальше у нас?

– У меня еще неделя отпуска, – сказал Конго, – я хотел поехать в Италию. Но теперь я не слишком в этом уверен. Что хочешь ты?

– Кататься на лыжах. Если ты не слишком уверен насчет Италии, можно поехать вместе. Ты точно узнаешь немало нового.

– Поехали, – сказал он.

– Тогда давай хоть представимся.

Конго засмеялся.

– Слушай, – сказал он, – почему ты ничего не спросила о том, кто я?

Она пожала плечами:

– Я стараюсь отдавать себе отчет в своих желаниях. Ты

предложил заняться сексом. Ну, когда я цепляла трос... Я согласилась. Не хотела выслушивать про твои деньги, должность, работу и все остальное, за что многие прячутся. Подумала: пусть он покажет, что может сам. На что я могу рассчитывать, если окажусь с ним там, где деньги и должности ничего не решают?

Конго подумал, что его интерес лучше подчеркнуть, чем скрывать:

– И что оказалось?

Она усмехнулась:

– То, что я еще здесь, и спросила «что дальше»... Кстати: какая у тебя медицинская страховка за границей?

– На все случаи жизни. И страховая компания с весьма хорошей репутацией. Я не экономлю на таких вещах, хотя до сих пор удавалось не пользоваться.

– Тогда еще вопрос: у тебя есть с собой шапка и куртка, в которых уместно заняться чем-то околоспортивным на улице?

– Есть.

– Это хорошо... А теплых брюк околоспортивного вида, наверное, нет?

– Нет. Джинсы и брюки, с которых вчера я оттирал землю твоей щеткой.

– Понятно. Джинсы пойдут, хотя это и признак новичка... не важно... Тогда я предлагаю вот что. Я хочу съездить покататься в одно место неподалеку. Прямо сейчас. Ты как?

– Хочу, – сказал Конго; что именно он будет там делать, показалось ему совершенно неважным.

– Тогда давай собираться. Кто идет первый в душ?

– Леди, конечно...

Она вылезла из-под одеяла и собиралась было идти, но вдруг остановилась, и посмотрела на Конго.

– Что? – спросил он.

– Мы уже в который раз забываем сказать друг другу, как нас зовут. И кто вообще мы такие... Чем дальше, тем больше у меня возникает ощущение, что доктор Фрейд придумал бы этому какую-нибудь непростую причину... Так кто ты?

– Меня зовут Игорь, мне легко запоминаемые тридцать три года, я инженер, начальник отдела продаж всяких железок, живу в Москве, не женат и... – он на секунду задумался и усмехнулся, – не имею на это место явных кандидатур.

Он говорил, и видел, как удивление появляется на ее лице.

– Ничего себе, – сказала она по-русски, без малейших признаков акцента, – я ни секунды не думала, что ты из России...

– Взаимно, мисс...

Она усмехнулась:

– Если у нас не слишком много лишних денег, нас не так-то легко узнать... Меня зовут Ксения, я из Москвы, училась в Лондоне, магистр бизнес-администрирования. Два года назад, после университета, вернулась в Москву. Пытаюсь заниматься бизнесом. Одна компания чинит и тюнингует тачки,

которые быстро ездят. Доход с этого невелик... скорее давнее хобби, на котором можно заработать. Вместе с тем человеком, на чьем «бумере» я иногда катаюсь... Сразу скажу: единственное, что в наших с ним отношениях серьезно – это тачки, которые быстро ездят. Для него это предмет фанатизма, а для меня – память о счастливом детстве, и немного денег... Вторая компания продает китайские лифчики и трусы.

Конго засмеялся.

– Не смейся. Тачки выбрала я. А трусы, так сказать, выбрали меня сами. Отец нашел мне эту компанию. Я хотела что-нибудь... гм... что-то другое. Подумала: ну, до салона или бутика мне остался один маленький шаг... Но согласилась – вариант был хороший, отец предлагает только то, в чем уверен. Обе компании сделаны на деньги, которые я заняла у отца. И я хочу вернуть их как можно скорее... – она сделала паузу и Конго подумал, что следующие слова будут о том, что ей достаточно важно, – от этого зависит его ко мне серьезное отношение. А этим отношением я дорожу... Так что с деньгами у меня сейчас не слишком свободно... Свое имя я тоже не выбирала. Зато я выбрала ник. Все, кроме официальных лиц, называют меня Ксанти. Это похоже на город в Греции и модель «Ситроена», но только похоже. Оно не означает ничего, кроме меня. Тебя называть по имени?

Он задумался.

Ему нравилось его имя – одно из немногих самых старых, догреческих русских имен, которые существуют сего-

дня в России. Но он прожил с этим именем всю свою прежнюю жизнь. А сейчас он хотел подвести под этой жизнью черту. Он не тот, кем считал себя столько лет. Он не собирается отдавать себя-настоящего, который сам решает, как ему жить. И свое настоящее имя он тоже даст себе сам.

– Во всяких интернетных разговорах, – сказал он, – я известен как «Конго». Никто из тех, кто знаком со мной лично, этого не знает. Но это имя нравится мне больше официального.

– Оно что-то означает? – спросила Ксанти серьезно.

– Да, – сказал Конго, – хотя это только довольно неясная ассоциация... Был такой польско-английский писатель – Джозеф Конрад... – он посмотрел на Ксанти; она кивнула, – у него есть книга о том, как белый торговец приехал в Центральную Африку, чтобы выменивать на всякие безделушки слоновую кость у диких племен. Но потом безделушки кончились, а кость – еще нет. Тогда этот торговец стал лидером каких-то местных, и начал войну за то, что не мог выменять. Он нашел что-то в этом месте и в самом себе и оказалось, что все совсем не так, как он думал. Оно ему понравилось, это место. Странное, жутковатое место, где можно узнать много нового о себе... Конрад не написал точно, где это происходило. Но можно догадаться, что этот человек плыл от побережья в джунгли по реке Конго.

Несколько секунд оба молчали.

Потом Ксанти сказала:

– Хорошо, Конго... – кивнула, и пошла в душ.

Было по-прежнему пасмурно, но снег перестал.

Когда Конго засовывал чехол с лыжами в «Дефендер», то обратил внимание на его вес – вчера ему было не до того.

– Тяжелые...

Ксанти усмехнулась:

– Разве что по сравнению с беговыми... Из горных это почти самые легкие, потому что узкие и короткие. Легче только те, что для начинающих... Это лыжи для обработанной трассы. На таких, только еще потяжелее, ездят спортсмены на соревнованиях. Еще есть лыжи для необработанных склонов, они длиннее и шире, и потому еще тяжелее. Мне нравится ездить динамично и точно, а для этого нужна гладкая обработанная трасса. По необработанному склону тоже иногда прикольно проехать. Я легкая, мне не очень-то нужны для этого широкие лыжи... А в паудер я не лезу, потому что не люблю, когда снежная пыль попадает под одежду. И лыжи в нем управляются плохо. Мне нравится, когда все, что быстро едет, еще и точно управляется.

– Паудер?

– Сухой свежавыпавший снег. Лыжи в нем плывут, как катер на подводных крыльях. Знаешь, почему такой катер держится на воде?

– Знаю.

– Снег может работать, как вода. Говорят, это довольно

забавно. Но кроме снежной пыли и не лучшей управляемости, этот паудер еще надо найти. И обычно это будет недалеко к отелям, потому что то, что близко, быстро раскатывают. Если нравится гладкая обработанная трасса, куда проще живется...

Ночью дорогу расчистили, и «Опель» мог ехать самостоятельно.

Они обменялись телефонами, договорились, что Ксанти не будет спешить, и тронулись.

Конго сказал ей оба свои номера.

Впервые в жизни – еще ни одна леди не знала номер его корпоративного, никогда не отключаемого телефона.

Лед исчез, и ехалось Конго легко. Машины встречались редко. Дорога прошла через городок, потом снова стала забирать вверх и так – то вверх, то вниз – они ехали около часа. Потом Ксанти свернула на боковую дорогу.

Дорога эта, не спеша поднимаясь, вскоре привела их в лес, где преобладали елки, а под елками лежал снег. Машины почти исчезли.

Вскоре лес расступился, и они оказались на ровной широкой площадке. Небольшое двухэтажное здание напоминало отель. Штук тридцать – сорок машин стояло перед ним. Вокруг поднимались невысокие, покрытые лесом округлые горы. Над склоном ближайшей из них, от сооружения, похо-

жего на вагон на опорах, вверх тянулись два троса. Тросы опирались на мачты, как линии электропередач. Под тросами двигались сдвоенные кресла.

Ксанти заехала на стоянку, остановилась и вылезла из машины, оглядываясь.

Конго остановился рядом, вылез и подошел к ней.

Она обернулась к нему:

– Ты ведь ничего такого раньше не видел?

– Нет.

– Тогда немного комментариев... Кресла, которые едут на тросах – это подъемники. Просеки на склонах – это трассы. Они бывают очень разные. Это место хорошо тем, что довольно простая трасса идет с самого верха до самого низа, и от верхней до нижней станции подъемника можно ехать только по ней, не выезжая на более сложные. И есть еще одна, еще проще, с которой ты и начнешь... И как тебе?

Конго пожал плечами с выражением сдержанного оптимизма:

– Нормально...

– Тогда подбираем тебе снаряжение, и едем наверх.

Они направились к зданию, похожему на отель.

– Довольно много желающих, – сказал Конго, кивая на стоянку.

Ксанти посмотрела.

– Много – потому, что похолодало и выпал снег. Если бы ни это обстоятельство, не было бы никого. Здесь низко, снег

тает быстро... Это очень маленький район, его знают почти исключительно местные. Я стараюсь не пользоваться большими известными районами, потому что там дороже и бывает много народу... Темные очки у тебя есть?

– Нет.

– Плохо. Здесь невысоко, но воздуха над головой все равно меньше, чем внизу, и излучения он пропускает больше. А снег это излучение хорошо отражает. В горах не стоит быть на снегу без очков даже в пасмурный день. И тем более не стоит надевать дешевку. Дешевый пластик ослабляет видимый свет, а ультрафиолет пропускает. Зрачки расширяются, и глаза сильнее травмируются от ультрафиолета. Хочешь – возьми мои, в которых я вожу машину? Они не в розовой оправе...

Конго засмеялся:

– Возьму, спасибо. А в чем будешь ты?

– В тех, в которых катаюсь. Для этого есть специальные очки. И намажешь лицо моим кремом.

Когда она отдала ему очки и достала другие, лыжные, он получил ответ на вопрос, который стеснялся задать – почему верхняя часть ее лица менее загорелая, чем нижняя. Лыжные очки и шапка полностью закрывали верхнюю часть лица...

Ксанти извлекла из рюкзака тюбик с каким-то кремом, и протянула Конго:

– Санблок.

– В пасмурный день?

Ксанти кивнула:

– Да. Облака пропускают довольно много излучения. И вообще пользоваться санблоком – очень полезная привычка в горах... Перчаток у тебя нет?

– Нет.

– Возьми мои рукавицы, – она посмотрела на него, поймала его взгляд и улыбнулась, – они темно-синие. И очень свободные для меня, потому что покупались на сильный холод. Я надеваю их на тонкие перчатки. И еще в сильный холод руки мерзнут в тесном. Тебе должно быть нормально.

Они подошли к отелю.

– Вот схема трасс, – Ксанти остановилась перед большим щитом, на котором весьма похоже изображались окрестные горы, – трассы обозначены цветными линиями. Разный цвет – разный уровень сложности. Черный – самые сложные. То есть крутые, узкие, с буграми, не обработанные и так далее. Это не интересно ни тебе, ни мне. Красные проще. Это основные трассы для тех, кто умеет. Их всегда обрабатывают. Они ровные и гладкие – ну, в идеале. Синие еще проще. Это основные трассы для тех, кто учится. Они пологие, широкие, ровные и с простым выкатом – чтобы не влететь во что-то, если не успеешь затормозить. Но есть еще несколько зеленых линий. Это не совсем трассы. Видишь, что они идут скорее горизонтально, чем вертикально?

– Ну да.

– Это дорожки, по которым можно попасть с одной трассы на другую. Но поскольку там тоже едут на лыжах, а не ходят пешком, их делают с небольшим уклоном – чтобы лыжи катились сами. Правда, иногда они сами не катятся, и приходится толкаться палками... Теоретически, первые метры можно проехать на этих дорожках. Но я не советую. Во-первых, обычно они узкие, и ты будешь мешать. А во-вторых, лыжи должны все-таки уверенно ехать сами для того, чтобы можно было учиться управлять ими. Так что я предлагаю начать отсюда, – она провела пальцем по одной из синих линий.

В течение следующего получаса Конго под руководством Ксанти и совершенно неанглоязычного прокатчика мерил лыжные ботинки. По его мнению, все они были примерно одинаковые. Но в одних ноги чуть заметно болтались, в других чувствовалась теснота. В третьих все было хорошо, но чувствовалось давление на косточки сбоку суставов. В четвертых одна нога помещалась идеально, а большой палец другой ноги упирался в ботинок – оказывается, у него немного разные ступни! Ботинки должны были сидеть плотно, но не жать; большой палец мог слегка касаться ботинка, если стоять вертикально, но уходить назад при легком сгибании коленей. Кроме того, ботинки можно было по-разному застегивать. Пришлось перемерить семь пар, прежде чем нашлись подходящие. Зато с лыжами не возникло вообще никаких проблем.

– Лыжи берем самые мягкие, – сказала Ксанти, – чем они

мягче, тем проще учиться. И хорошо, что здесь катаются в основном местные. У них обычно свое снаряжение, в прокате осталось много ботинок и есть из чего выбирать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.